

Он хлопнул дверью так, что под обоями в квартире зашуршала осыпающаяся штукатурка. Послышались его удаляющиеся шаги, и где-то далеко внизу оглушительно грохнула ещё одна дверь, уже металлическая.

— Ты ещё пожалеешь! — прошептала женщина вслед и наконец-то позволила себе заплакать.

Горько, обидно сидеть в своей квартире, только что бывшей семейным гнездом, и размазывать слёзы по щекам и подушке. И женщина рыдала именно от этой горькой обиды, от несправедливости, которая сделала её существование бессмысленным и ненужным. Изредка она поднимала глаза на образ Богородицы и сквозь икание и всхлипы спрашивала:

— За что?

Скорбный лик молчал в ответ. Она долго плакала, вздрагивая всем своим грузноватым телом, затем поднялась и протопала к бару, достала оттуда полупустую бутылку водки и бокал.

В это время в дверь позвонили. Требовательно. Ещё раз. Ещё.

Женщина перехватила бутылку за горлышко так, как если бы намеревалась нанести ею кому-то удар, и направилась к двери. Да, она была почти уверена, что это её благоверный вернулся, чтобы...

Но на пороге стоял не муж, а соседка Людмила.

— Вот это здрасьте вам в шляпу! — изумлённо проговорила она, увидав хозяйку квартиры с опухшими покрасневшими глазами и с бутылкой в руке. — Это я удачно зашла!

Вся злая решимость тут же покинула несчастную, её лицо снова перекосилось плачем, она кивнула и впустила пришедшую.

— Ты чего, мать? — Людмила всегда была грубовата, надменна, жалеть не умела, но сейчас её появление было почти подарком судьбы. — Ты чего, флакон в одно горло всосала, что ли? Ты в своём уме?

Она кое-как усадила рыдающую женщину на диван, принесла из кухни воды, предварительно влив в стакан хорошую дозу успокоительного.

— Пей. Ленка, пей, я сказала! Вот так. Ну а теперь выкладывай, кто умер.

Они ещё долго беседовали «о своём, о женском». Людмила, мгновенно сориентировавшись, достала из бара вторую «беленькую». За окном начали сгущаться сумерки, а две женщины всё сидели, одна говорила, другая слушала, дымила тонкими сигаретами и изредка кивала.

— Людочка, что мне делать?

— Смотря чего ты хочешь. Вернуть его или отомстить ему. Или, может, ещё какие планы есть?

— Да какие планы?.. Какие могут быть планы, когда жизнь кончилась?!

— Лена, вот ты вроде же умный человек, а дура душой, прости за откровенность. Ну с какого перепугу жизнь-то закончилась? Да набегается твой кобель, проголодается и приползёт обратно как ни в чём не бывало. Куда он денется от твоих борщей и цыплят табака? И ты же сама его примешь, лишь бы всё было как у всех, и он даже угрызений совести не испытает за своё предательство. Потому что ты тупо его простишь.

Елена слегка опешила от слов подруги. Она даже не нашла, что ответить. Водка сняла часть напряжения, затуманила глаза, и женский силуэт, куривший около приоткрытого окна, вдруг показался ей удивительно привлекательным. Несмотря на свои «за пятьдесят», Людмила была ещё очень стройна, позволяла себе облегающую одежду, высокий каблук и яркую помаду. Она красилась так, что разрез глаз её напоминал олений, носила очки как киношная стерва и длинные тёмные волосы закалывала на затылке в «ракушку». Всё вместе делало её похожей на учительницу, строгую, но сексапильную. Замужем, кстати, никогда не была. Мужчины, западавшие на яркую, почти голливудскую внешность, быстро разочаровывались: она не представляла ни одного из трёх идеалов жены — ни хозяйки на кухне, ни королевы в гостиной, ни порнозвезды в постели. Ни уж тем более трёх в одном. Она жила ради себя, ни разу не выразив нормального женского желания родить ребёнка, ни разу не подав милостыни

нищему или калеке-афганцу, не соглашаясь никого подменять по работе за бесплатно. Да, Людмила не простила бы своему мужу измен. Уж она нашла бы способ сделать так, что тот три раза пожалел бы о своём поступке. А может, и тридцать три.

— Злая ты.

Людмила равнодушно кивнула, соглашаясь с таким определением.

— Мне плохо сейчас, а ты даже посочувствовать не можешь.

— А смысл тебе сочувствовать? Была бы ты хоть сколько-нибудь умнее, ты сейчас не заливала бы сопли водкой и не вопрошала бы деревяшку, за что тебе такое наказание.

От неожиданности Елена опешила. Она перевела изумлённый взгляд с лица Людмилы на образ Богородицы, смиренно склонившей голову в молитве, и снова на соседку.

— Откуда ты знаешь?

Людмила издевательски хохотнула:

— А для чего она тогда тут висит? Дырку на обоях загораживает? Лена, включи мозг, если он у тебя ещё есть, и подумай, насколько легче могла бы сложиться твоя жизнь! Если бы не пошлая мораль, предписывающая тебе прощать врагов, подставлять им вторую щёку для удара вместо того, чтобы врезать первой, и с утра до ночи обслуживать вонючего самца, почитая его своим господином.

Не дожидаясь ответа, она налила полный бокал и подвинула его Елене.

— И не смотри на меня как солдат на вошь. Принципы здорового эгоизма никто не отменял.

— Тебе легко говорить! Ты за всю жизнь никого не любила!

— А тебе кто велел любить? Любовь — это величайшая глупость на земле, а глупость — самый тяжкий грех, какой только можно совершить. И я не собираюсь потакать тебе в этом. Наоборот, я хочу, чтобы ты перестала чувствовать себя оплётанной и размазанной, униженной и оскорблённой только потому, что ты позволяла себе испытывать редкие минуты удовольствия или наслаждения.

От таких слов у Елены полезли на лоб глаза.

— Что значит «редкие минуты»?

Людмила развела руками:

— А ты хочешь меня убедить в обратном? Давай, попробуй. Но сначала ответь мне честно на один вопрос. Скажи, сколько времени ты замужем?

— Тридцать лет, ну и что?

— И как часто ты испытывала настоящее, ничем не омрачаемое счастье? Только не свисти мне, стирка носков и пелёнок во имя любви не в счёт. Я спрашиваю вот о чём: сколько длилась твоя радость от подаренного букета цветов, от секса, от поездки на море или шашлыки? Минуту? Две? А потом что? Головная боль! На цветы у тебя аллергия, после секса ты тряслась, как бы не пришлось делать аборт, после шашлыков ты тащила на себе домой пьяное тело и кучу грязной посуды, после моря лечила ожоги своим личинкам, и так тридцать лет подряд! За каждую свою улыбку ты заплатила страхом, слезами, унижениями, физическим трудом и болью. Разве нет? И сейчас ты рыдаешь из-за того, что источник твоих страхов и слёз наконец-то свалил к чёртовой бабушке, оставив тебя в покое!

В квартире окончательно сгустилась темнота, но женщины не зажигали свет. И в этой темноте слова Людмилы звучали странно и страшно, словно это и не Людмила вовсе говорила сейчас с Еленой, а кто-то другой.

— Сложи вместе все эти минутки счастья, чистого блаженства — сколько всего получится? Месяц! Даже и того не наберётся. Ну, возрази, если сможешь.

Елена со страхом смотрела на женщину у окна, только что бывшую Людмилу. Ноги её в узких серых брючках, обутые в туфли на высоком каблуке, вдруг показались ей козлиными ногами, оканчивающимися изящными копытцами. Куда-то пропала облегающая водолазка, и взглядам изумлённой Елены предстали мужской торс, покрытый шерстью, и сильные мускулистые руки. Всё венчала козлиная голова с изогнутыми рогами, наглым взглядом раскосых глаз и перевернутой пятиконечной звездой во лбу. Длинные волосы, длинная козлиная борода. Чудовище продолжало:

— А теперь послушай меня, глупенькая. Всё, что тебе внушали до сих пор относительно так называемого «женского счастья», — ложь чистой воды. Имей смелость это

признать. Неужели такое уж великое счастье всю жизнь убирать за кем-то грязь, готовить кому-то тонны еды, да ещё не какой хочется, а на какую хватает денег? А потом скрести после него тарелки, пылесосить загаженный крошками ковёр? Ты половину жизни убила на человека, который в конечном итоге наплевал на твои старания. Разве не тупость?

— Люда, ты... Ты — козёл! — вскрикнула окончательно сбитая с толку и перепуганная женщина. — Ты козёл, Люда!

— Не козёл, а Бафомет. Это моё настоящее имя.

— Я тебя боюсь!

Козёл хохотнул и уселся перед Еленой, скрестив ноги на восточный манер.

— Меня? Ты боишься правды. Я же хочу, чтобы ты хоть немного уважала себя, своё тело, свой труд, свою жизнь! Даже сейчас он сопит, удовлетворяя животную похоть с другой самкой, а ты вынуждена сидеть в одиночестве и темноте, потому что некто внушил тебе, что нужно хранить верность, ибо она — добродетель. А ведь десятки мужчин или женщин могли бы дорого дать, чтобы хоть ненадолго почувствовать в своих объятиях твоё тело.

— Я не хочу тебя слушать! Это всё не так! Ты козёл, козёл, козёл!!!

Бафомет расхохотался, а затем похлопал женщину по щеке:

— Хватит истерить, дура! Успокойся! Лена! Лена!!!

Она очнулась. Муж шлёпал её по щекам, приговаривая:

— Успокойся, Лена. Лена!

Она очнулась и протёрла мокрые от слёз глаза. Оглянулась в ужасе. Тьма за окном стала не такой густой, вот-вот начнёт таять.

— А где козёл? — спросила перепуганная женщина.

Мужчина ошарашенно уставился на неё:

— Лен, ты чего? Какой козёл? Откуда у нас козёл? Сто раз говорил: не смотри на ночь свои страшилки.

Он зябко поёжился и залез обратно под одеяло. Женщина облегчённо выдохнула. Постучала по тумбочке, посылая сон вослед за уходящей ночью, и закрыла глаза. Снова всплыл смеющийся образ с пентаграммой во лбу. В это время муж проворчал:

— Мне тоже всякая чепуха снилась. Наверное, надо было меньше на ночь твоих пирожков жрать.

Голова с пентаграммой захохотала сильнее. И Елена чуть слышно буркнула в ответ:

— Ещё я же и виновата... Козёл.